

Лев Власенко (www.refantasy.com) , 2010

Иллюстрации: Юлия Хоменко (Yugiko88)

[Рассказ был написан на конкурс Endless Dream: Winter Madness \(13.02.2010\)](#)

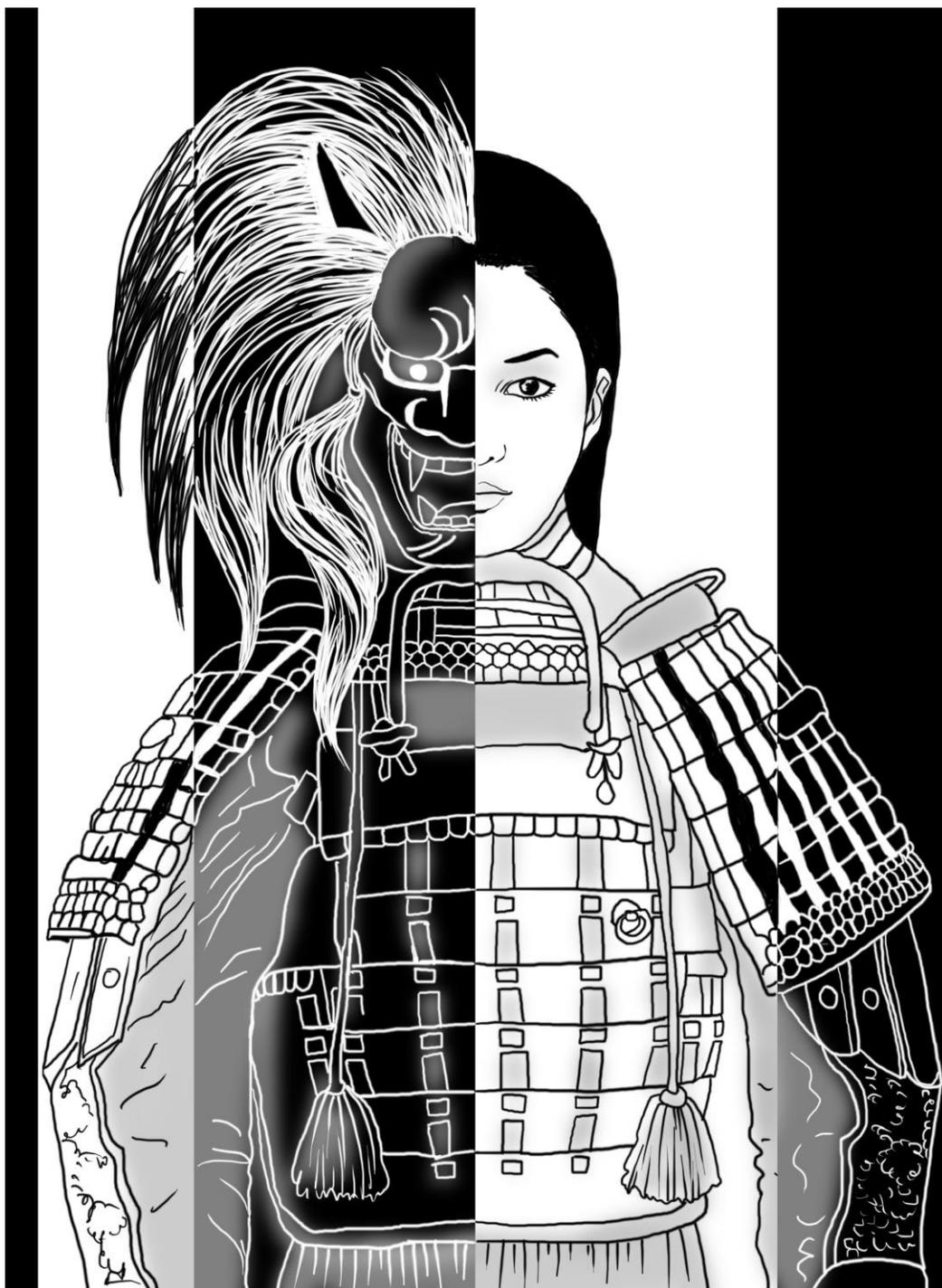
Зимнее безумие

*На Севере красавица живёт,
Каких ещё не видел белый свет.
Посмотрит раз — и город пропадёт;
Посмотрит два — и царства больше нет.
Что ж? Пренебречь злосчастною судьбой,
погибель городов и царств не знать?
Но ведь вовек красавицы такой
не народится на земле опять!*

— Ли Янь-нянь, «Красавица»

В годы правления императрицы Кокэн необычная история произошла в горах Оу, что в области Тохоку. Шел пятый поход против северных варваров. Эмиси оказывали императорским войскам отчаянное сопротивление, но мы были полны решимости перейти ледяные горы и достичь края света. Во время стоянки на перевале Синраден мои люди взяли в плен незнакомца, назвавшегося Гэндзо. Он не был северянином — изношенная одежда выдавала в нем слугу благородного дома, невесть как забравшегося далеко от столицы. Солдаты полагали, что схватили дезертира и собирались казнить его. Отчасти из любопытства, отчасти от скуки я решил допросить пленника, и Гэндзо поведал мне о том, как

вместе с отрядом императорских войск оказался в горах Оу, и что случилось с ними на пути в замок Корэхари. Его рассказ показался мне заслуживающим внимания...

...Отряд нашел подходящее для отдыха место лишь к вечеру, когда налетевший в сумерках пронизывающий ветер пригнал черные тучи, затянувшие небосвод и осыпавшие землю густым снегом. К счастью, разведчики обнаружили неподалеку от дороги несколько пещер, неглубоких, но достаточно просторных, чтобы дать защиту от непогоды для людей и лошадей.

Полсотни человек месяц назад выступили из замка Корэхари в экспедицию против горных племен, сейчас же под каменными сводами ютилось не более тридцати. Большинство воинов носили тяжелые доспехи на танский манер, но те, кто были поумнее, уже успели сменить бесполезные в горах латы на варварские кожаные панцири. Всадников в отряде было четверо, и все они отличались от остальных воинов, даже покинув седла и расположившись вокруг костров. Властный мужчина с грубыми манерами и явной примесью варварской крови мог быть только начальником отряда; судя по его длинной темной бороде, полной седых прядей, он воевал в Тохоку еще со времен некоронованного императора. Рядом с ним сидел коренастый проводник с нечесаной гривой густых бурых волос, он был из рода равнинных эмиси, присоединившихся к завоевателям, чтобы свести счеты с воинственными соседями-горцами. С противоположной стороны костра, держась поодаль от остальных, устроились двое чистокровных южан: широкоплечий мужчина с морщинистым, сильно обветренным суровым лицом и загадочный низкорослый человек в богатых доспехах аристократа. Его лицо прикрывала блестящая лакированная маска.

Долгое время тишину нарушали только завывания ветра, треск пожираемых пламенем веток да ржание лошадей, но вскоре люди отогрелись, стали переговариваться, обмениваться шутками и обсуждать минувший день.

Как только начальник отряда сообщил, что ночью они не станут продолжать путь назад в замок Корэхари, тотчас очнулся от своего обычного оцепенения проводник-эмиси. Он что-то быстро заговорил на ломаном языке южан, щедро сдобренном грубыми дикарскими словечками.

— Что ты несешь? — недовольно проворчал бородатый командир. От раздражения он начал наматывать на палец длинный конский волос, свисающий с верхушки медного шлема. — Не можем мы никуда идти в такую метель. Нужно отдохнуть.

— Отдохнем утром, — гнул свое проводник. — Здесь нельзя. Хозяйка горы узнает...

— В чем дело, Менкакуш? — вмешался в спор широкоплечий южанин. — Мой господин желает знать, почему вы расшумелись.

— Твой господин не главный здесь. Пусть будет благодарен, что я вам позволил пристать к отряду, — грубо ответил бородач и сплюнул. Плевался он часто и с удовольствием, и еще чаще кривил свое грубое, точно вытесанное из камня лицо и теребил то засаленный плюмаж, то собственную бороду. Увидев, что слуга не уходит, Менкакуш объяснил. — Этот болван говорит, что нам угрожает опасность.

— В пещерах что, живут горцы? — не понял слуга.

— Нельзя оставаться, она рассердится... — не поднимая взгляда, прогнусавил эмиси.

— Пошел отсюда, — Менкакуш раздраженно оттолкнул проводника, едва не повалив того на камни.

— Гэндзо! — позвал слугу молчаливый аристократ, его голос был приглушен и искажен под маской, так что невозможно было понять, какого возраста говорящий.

— Да, Ацукёки-сама? — смиренно отозвался мужчина.

— Попроси его рассказать мне про хозяйку горы.

— Я этих дикарских рассказней уже наслушался, — Менкакуш в последний раз дернул свою злосчастную бороду и вернулся к костру.

Гэндзо подвел съежившегося от страха проводника к своему хозяину. Вид деревянной маски, рисунок на которой изображал оскалившуюся морду великана-людоеда, вызывал в невежественном дикаре суеверный ужас.

— Говори, — властно приказал аристократ.

— Старая легенда, — пробормотал эмиси, избегая смотреть в глаза-щели маски. — Будто бы у горы, под которой мы остановились, есть хозяйка. Некогда была она прекрасной женщиной, матерью целого клана, и до того гордой, что приказала своим сыновьям вытоптать на горе все цветы и срубить деревья, чтобы ничто не могло затмить ее красоту. За что Земля-праматерь наслала на женщину проклятье... Сделала ее до того уродливой, что вода не выдерживает ее отражения — волна подымается, а когда кручи обрастают льдом, стоит хозяйке взглянуть на них — и лавина обрушивается в ущелья. Ни один мужчина не может взглянуть в ее глаза, чтобы не ослепнуть. Но Праматерь справедлива и дала несчастной возможность искупить вину. Если она напоит срубленные деревья и растоптанные цветы кровью своих детей — красота вернется к ней. Тогда хозяйка горы убила всех сыновей, кроме самого любимого, на которого не могла заставить себя поднять руку. С тех пор каждую зиму с вершины своего дома-горы она рассылает ледяные стрелы. Всякого, в кого попадет ее стрела, поражает зимнее безумие — неудержимо тянет его на север, на поиски красавицы, какой когда-то была хозяйка горы. Там она ждет несчастного в окружении белых призраков, некогда бывших ее сыновьями. Мужчин уродливых она отдает в пищу призракам, а красивых берет себе в услужение,

чтобы рожать от них детей, кровью которых живет последний оставшийся на ее горе цветов.

— Призраки, ха! — буркнул Менкакуш, который, как оказалось, тоже слушал историю проводника. — Как же, знаю я этих белых духов. «Земляные паучки» по ночам на округу страх наводят, вот и вся хозяйка горы да ее призраки.

Ацукёки поблагодарил эмиси и отпустил его. Хотя солдаты старались этого не показывать, но мрачная история встревожила их. Умолкли веселые разговоры и смех, а вскоре стих и ветер, заметавший снегом горную дорогу. Казалось, погода обещала исправиться. Менкакуш уже хотел приказать выставить часовых и лечь спать, когда тишину нарушил хруст ломаемого снега. Нечто приближалось из темноты к освещенной кострами пещере, нечто огромное и многоногое, пропахивающее сугробы с невероятным упорством и силой. Люди потянулись за оружием, кто-то тихо начал молиться...

Менкакуш сплюнул, взял свое длинное копье и бесстрашно вышел из-под каменного козырька. За ним последовали загадочный воин-аристократ и его широкоплечий слуга. Из плотного белого савана оседающих снежинок показались несколько темных фигур.

— Кто вы? — сильно нахмутив кустистые брови, спросил Менкакуш.

— Друзья, — послышался в ответ человеческий голос, и в свет костров вошли люди в тяжелых танских латах и под императорскими знаменами.

— Моцзы? — лицо Менкакуша расплылось в улыбке. — Ты, что ли?

От группы пришельцев отделился стройный мужчина в таком же, как у бородача, медном шлеме с ярко-алым плюмажем. Предводители двух отрядов обменялись приветствиями. Укрывшиеся в пещерах люди облегченно вздохнули, отложили мечи и радостно приняли неожиданных

гостей. Встреча с дружественными войсками в горах Оу была большой удачей.

— А это что еще за пугало? — Моцзы осторожно кивнул в сторону деревянной маски.

— Присоединился ко мне со своим слугой еще в Корэхари. Назвался внебрачным отпрыском кого-то из рода Ацукёки, — объяснил Менкакуш.

— Вроде бы хочет увидеть край света. Маску свою он почти не снимает, скрывает уродство или боевые шрамы.

— Сдается мне, разбойник он и убийца, а никакой не Ацукёки, — заметил Моцзы. — Снял доспехи с кого-то из жертв, а теперь скрывается в горах и лицо прячет.

— Может и так, — легко согласился бородач. — Но боец из него отличный. Я решил, лишний меч не помешает. В столице свои законы, а здесь свои...

На том они прекратили обсуждать таинственного аристократа. Гость из столицы начал рассказывать новости с юга, по которым застрявшие в Тохоку солдаты успели истосковаться. Оказалось, еще весной умер старый дайнагон Мататэ, и с его смертью была связана зловещая история.

— Родичи за наследство подрались? — предположил Менкакуш. — Тоже мне невидаль.

— Не перебивай, — раздраженно заметил Моцзы. — Дайнагон-то умер, но перед смертью позвал свою дочь...

— Разве у него дочь была? — изумился бородач.

— В том-то и дело. Старики говорят, была у него дочь, но, то ли утонула, то ли от болезни умерла. А тут объявилась, да такая красавица, что тотчас покорила столицу. Вдобавок наследница, заметь. Вот женихи с челядью дайнагона и передрались за нее...

— А дочь-то что?

— Сбежала на следующее утро после кровопролития. С весны никто ее не видел. А может, и не было никакой дочери, а только призрак людей смутил и к убийствам подтолкнул.

— Чего только не услышишь! — Менкакуш сплюнул. — А ты говоришь, хозяйка горы...

Он рассмеялся, когда увидел, с каким вниманием равнинный эмиси слушал вести из далекого и прекрасного города, где сам никогда не бывал.

Счастливая встреча сняла накопившееся в людях напряжение и успокоила их. Поэтому после того как лагерь уснул, никто не заметил пропажу часовых, а когда раздался пронзительный крик, разбуженные, застигнутые врасплох люди оказались совершенно беззащитны.

— В чем дело?! — прогремел Гэндзо, нашаривая в темноте свое оружие.

— Кто затоптал костры? — ругался рядом Менкакуш.

Когда улеглась суматоха, и проводник сумел раздуть наспех засыпанное кострище — выяснилось, что отряд не досчитался пяти человек. Кроме часовых пропали те, кто спал ближе всего к входу в пещеру. По глубоким бороздам на снегу было видно, что какая-то неведомая, нечеловеческая сила схватила их и уволокла в ночь.

Несколько часов спустя отправившиеся на поиски пропавших товарищей солдаты вернулись в лагерь и привели двух горцев с лицами, заросшими бородами до самых глаз. Дикари были одеты в медвежьи шкуры, перепачканные свежей кровью. Хотя северяне были вооружены топорами, они не сопротивлялись. Менкакуш и Моцзы пытались расспросить пленников, но те только мотали головами и бубнили что-то про дерево,

которое невозможно срубить и про людей, оказавшихся заживо погребенными.

— Вот тебе и белые призраки, — раздраженно заметил Менкакуш и приказал обезглавить их.

В ту ночь уже никто не мог сомкнуть глаз. Ранним утром, еще до восхода солнца Менкакуш, с разрешения своего друга Моцзы возглавивший объединившиеся отряды, вывел людей из пещер. Стоило солдатам покинуть убежище, как укрывшийся выше по склону лучник-эмиси осыпал их стрелами. Несмотря на сильный ветер, а может, благодаря ему, костяные наконечники удивительно точно находили незащищенные лица воинов, пробивали толстое дерево щитов и оставляли глубокие вмятины на железных панцирях.

Всадники под предводительством Менкакуша рванули вперед, надеясь настичь меткого стрелка, но тот скрылся в зарослях на кручах вне досягаемости лошадей.

Не успели южане опомниться от внезапного нападения, как, из-за соседнего отрога показались конные эмиси. Они выли и кричали, размахивая палицами и топорами. Развевающиеся на ветру медвежьих шкур, служившие всадникам плащами, усиливали их сходство с дикими зверями.

Северные варвары закружили вокруг сбившейся в кучу пехоты, но осмелились приблизиться к оцетинившейся копьями стене прочных щитов.

— Я, Гэндзо, верный вассал рода Ацукёки, сразитесь со мной, трусы! — взревел слуга, ударил пятками лошадь и понесся навстречу врагам, держа в вытянутой руке копье. Его господин и бородач-полукровка Менкакуш, немного отставая, последовали за ним. Увидев приближающихся всадников, грозные на вид медведи бросились врассыпную. Гэндзо успел своим копьем

выбить из седла замешкавшегося эмиси и с энтузиазмом погнался за остальными. Ацукёки хотел окликнуть слугу и приказать вернуться, но его голос утонул в сильном ветре, полном конского ржания и лязга оружия.

Когда лошадь аристократа окончательно выбилась из сил, Ацукёки прекратил преследование, огляделся и, не увидев никого поблизости, снял маску. Раскрасневшееся, вспотевшее лицо, до того скрываемое деревянным страшилищем, было молодым и надменным. Менкакуш ошибался, когда говорил, что аристократ скрывал уродливые шрамы; несколько тонких бледных полос и вправду пересекали его лицо, но даже они не могли затмить красоты юноши. У него была молочно-белая кожа, пухлые алые губы, а под густыми угольными бровями сияли выразительные глаза. Длинные черные волосы были уложены в сложную прическу, которую удерживала длинная золотая шпилька с зеленым камнем. Отдышавшись, Ацукёки уже хотел снова надеть маску, как вдруг что-то мягкое и теплое лизнуло его щеку. Юноша вытянул руку и сумел поймать в кулак нежный красный лепесток. Завертев головой, он с изумлением обнаружил высоко на склоне цветущую сливу, растущую поодаль от остальных, давно облетелых деревьев.

— Дерево, которое невозможно срубить, — пробормотал Ацукёки, вспомнив рассказ казенных горцев.

Он направился вверх по пологому склону, который укрывал до того густой лес, что в нем легко можно было заблудиться. Похожие на белесые тонкие кости, переплетенные голые ветви неприятно скрипели при малейшем дуновении ветра. Юноше начало чудиться, что кто-то идет следом. Он беспокойно оглядывался, и несколько раз видел краем глаза темную, поросшую густой шерстью фигуру, тотчас же исчезающую среди древесных стволов, плотного кустарника и ветровала. Когда же Ацукёки переставал

коситься через плечо — ему мерещились шаги, почти неразличимые за скрипом, с которым копыта его лошади ломали свежий настил.

Чем выше поднимался Ацукёки, чем ближе подходил к своей цели, тем явственнее слышал тихую музыку, напоминающую перестук крошечных стеклянных колокольчиков, словно звенели на ветру хрупкие пурпурные лепестки. Подъем становился все круче, юноше пришлось спешиться и взять лошадь под уздцы. Когда он вновь посмотрел на сливу, то заметил движение возле ее корней. Приглядевшись, Ацукёки разглядел двоих детей, играющих в тени цветущего дерева. На вид им нельзя было дать больше десяти лет, оба ребенка были темноволосые, в просторных зеленых одеждах. Когда юноша узнал их, поднял руку и окликнул — наваждение рассеялось. Ветер унес маленькие зеленые фигурки вместе с россыпью сорвавшихся с тонких веток пунцовых лепестков. Рука Ацукёки бессильно упала, а сжавшиеся пальцы схватили лишь воздух...

— Ацукёки-сама! — голос Гэндзо заставил юношу вздрогнуть.

Слуга быстро поднимался следом по протоптанной борозде.

— Где твоя лошадь? — спросил Ацукёки.

— Сбросила меня и ускакала, — буркнул мужчина; он никогда не слыл хорошим наездником. — Пусть ее Менкакуш ловит. Толку от наших южных кляч на здешних кручах? Только ноги переломают и в пропасть скинут... Я за вами и пешком успею, уж не волнуйтесь.

— Зря ты за мной опять увязался, — заметил юноша.

— Что вас понесло сюда в одиночку? Клялись ведь, что больше намеренно не причините себе вреда!

Его хозяин провел рукой по белым шрамам на своем лице, упрек в голосе слуги заставил щеки юноши покраснеть. Вместо ответа он указал на

сливу, которую Гэндзо до того момента не замечал — настолько сильно внимание мужчины было приковано к молодому господину.

— Слива иногда цветет поздней зимой, — неуверенно сказал слуга.

— Еще слишком холодно, — покачал головой Ацукёки.

Лошадь наотрез отказывалась приближаться к чудесному дереву, и ее пришлось привязать, иначе испуганное животное немедленно бы сбежало. Корни сливы, как в болоте, тонули в липкой темно-красной жиже. Юноша присел на корточки, снял перчатку и покопался в подтаявшем снегу.

— Хитобасира, — пробормотал Ацукёки.

— Что? — не понял слуга.

— Это кровь. Под деревом зарыт покойник, — объяснил юный аристократ. — Вспомнилось, потому что меня должны были отдать в свай, но отец пошел против воли богов, хотя сам придворный астролог настаивал на жертвоприношении. Наверное, тогда он и навлек на наш род проклятье. Ты не знал об этом?

— В вашем доме все знали, — смиренно опустив голову, признался Гэндзо. — Вместо вас под новым дворцом закопали другого ребенка. Ацукёки посмотрел на свою тонкую руку и грустно улыбнулся.

— В детстве у меня был друг, сын одного из слуг нашего дома, — проговорил Ацукёки. — Мы были так похожи, что иногда нас путала даже отцовская челядь. Когда мне исполнилось десять лет, он пропал. Говорили, что он, хотя и был еще ребенком, сбежал на север, чтобы присоединиться к походу против варваров. Я только что видел его под сливой. Может быть, его поразила ледяная стрела хозяйки горы?..

— Если ведьма и вправду существует, то скорее уж хочет смутить и запутать вас...

— Когда ты поднимался сюда, то чувствовал чье-то присутствие? — спросил Ацукёки.

Гэндзо кивнул.

— Эмиси, мой господин, заманивают нас в ловушку, — предположил он. — Давайте возвращаться.

Стоило юноше распрямиться и отступить на шаг назад, как крона сливы подернулась рябью и начала терять цвет. Лепестки облетели, и их место заняли молодые листья, которые в свою очередь начали желтеть и опадать — все быстрее и быстрее, пока усиливающийся ветер не сорвал их все единым мощным порывом. Кровь у корней впиталась в землю, и зима вновь безраздельно властвовала на этом крошечном кусочке горы.

Отвязав лошадь, они начали спускаться по своим следам. Оказалось, что ниже по склону поземка уже успела занести их. Несколько часов спутники безрезультатно искали путь обратно к подножью горы, но постоянно возвращались — то к отцветшей сливе, то к открытой скале, откуда лучник-эмиси обстреливал отряд. Когда они остановились на этой каменной площадке, чтобы оглядеться, знакомый голос издали окликнул их.

— Эй! Что вы делаете на горе? — прокричал Менкакуш. С высоты утеса бородач казался крошечным и беззащитным. Сидя верхом, он вел за собой сбежавшую лошадь Гэндзо. — Спускайтесь!

— Не можем! — крикнул в ответ Гэндзо, приложив ладони ко рту.

— Почему?

Слуга вопросительно посмотрел на своего господина.

— Заблудились! — честно признал Ацукёки.

— Да как вы вообще там оказались?! Еще и с лошадей! — Менкакуш сплюнул и резко дернул себя за бороду. Юноша не сомневался, что он вполголоса проклинал глупость столичного сорвиголовы. — Мои люди к вам

не залезут! Проводник говорил, с другой стороны горы есть спуск к замерзшему озеру. Перейдете его и выйдете на дорогу к замку Корэхари. Встретимся там!

— Спасибо! — громко поблагодарил Гэндзо.

Менкакуш в последний раз махнул им рукой и двинулся прочь от окутанной зловещими легендами вершины.

— А ведь когда я за вами следом шел — вроде бы легкий подъем был, — задумчиво заметил Гэндзо. — Не нравится мне это, Ацукёки-сама...

— Пятеро человек утром пропали из лагеря, — пробормотал юноша. — Должны быть еще такие же цветущие деревья...

Бросив бесполезные поиски пути назад к пещерам, спутники последовали совету Менкакуша и решили добраться до противоположного склона горы. Когда полуденное солнце окрасило заснеженные вершины в ослепительные золотые цвета, они увидели раскидистый, высокий абрикос, в тени которого цвел крошечный молодой зизифус. Вновь налетел наполненный музыкой и ароматом цветов ветер, и Ацукёки увидел своего друга, с которым до того играл под сливой. Зеленая одежда мальчика потемнела и стала красной, как огонь, волосы были распущены, делая его облик женственным и беззащитным. За спиной ребенка, положив ему руку на плечо, стоял мужчина. Увидев Ацукёки, он взял мальчика за руку и повел его по ковру абрикосовых лепестков.

«Куда ты ведешь его?» — хотел спросить юноша, но не мог вымолвить и слова, так сильно страх стиснул его горло.

— Отец, остановись! — крикнул Ацукёки, но было поздно.

Мужчина толкнул ребенка в заранее вырытую яму, а появившиеся слуги тут же начали забрасывать ее землей. Ацукёки побежал к ним, надеясь

остановить жертвоприношение, но наваждение рассыпалось, разлетелось по ветру опавшими листьями. Юноша замер, потом обессилено упал на колени.

— Ты знал, — прохрипел он. — Вы все знали...

— Да, — нехотя признал Гэндзо. — Вашему отцу удалось обмануть астролога, и род Ацукёки сохранил милость императора.

В ответ юноша горько рассмеялся.

— Проклятое дерево, — выругался Гэндзо. — Проклятая гора. Зачем они мучают вас?!

Он выхватил меч и ударил по зизифусу, с треском ломая изящные длинные ветки.

— Ты прав, Гэндзо, гора проклята и населена призраками, — согласился Ацукёки. — Грань между миром живых и мертвых здесь так слаба, что духи находят способ обратиться к нам. Что же они хотят показать мне?..

— Ацукёки-сама, не думайте о прошлом, — попросил Гэндзо. — Ваш отец поступил неправильно, но он поступил так из любви к вам. Да и слуг вы, будучи еще совсем ребенком очаровали. Никто из них не смог бы причинить вам вреда, скорее они согласились бы на все муки ада!

— А ты? Ты любишь меня, Гэндзо?

— Больше всего на свете, Ацукёки-сама! — выдохнул широкоплечий мужчина.

Юноша опустил глаза, повлажневшие от слез.

— Такая любовь не приносит ничего, кроме горя. В этом мы схожи с хозяйкой горы — разбрасываем стрелы, поражающие людей безумием.

Гэндзо промолчал, не зная, что ответить.

«Почему хитобасира?.. — думал Ацукёки, покачиваясь в седле. — Люди-столбы, жертвы, которые приносят всякий раз, когда закладывается

новое здание. Чтобы несущие сваи никогда не ослабели, а камень стен никогда не осыпался...»

Ацукёки взглянул на укрытый густым лесом склон, на вьющуюся далеко внизу дорогу и белые вершины соседних гор.

«Но горы возвышались раньше, чем появились первые люди. И будут непоколебимо стоять даже после того, как императорские войска разобьют эмиси и прогонят их дальше на север».

— Проводник ошибался, — пробормотал юноша.

— Что? — не понял Гэндзо.

— Жертвы не могут быть предназначены Матери-Земле, — уверенно заключил Ацукёки.

Слуга только в недоумении покачал головой.

...К вечеру, когда огромный солнечный диск коснулся далеких черных пиков, спутники увидели еще одно волшебное дерево. Им оказался хорошо ухоженный персик, который словно перенесся сюда из сада столичного дома.

— Я узнаю этот персик, — внезапно сказал до того молчаливый Гэндзо. — Ваш отец своими руками посадил его под окном вашей спальни.

Ацукёки кивнул. Он мысленно перенесся в столицу, вспомнил их усадьбу, окруженную высокой каменной стеной. Хозяйский дом, выстроенный из лучшей древесины на китайский манер, и флигель, где Ацукёки жил вместе со слугами после того, как ему исполнилось десять лет. Возле цветущего персика стояли несколько вооруженных мужчин. Они о чем-то яростно спорили, толкали друг друга и хватались за рукояти мечей. Потом, видимо договорившись, вошли в дом, — Ацукёки понял это по тому, как застучали их деревянные сандалии. Косые лучи клонящегося к закату солнца пробивались сквозь рисовую бумагу и отбрасывали тени на лица

мужчин. В доме их ждал человек в доспехах и маске Ацукёки. В его руках был обнаженный меч...

Юноша отвернулся и заткнул уши, он боялся, что овладевшее сражающимися людьми безумие поразит и его, как ледяная стрела хозяйки горы. Когда звуки боя смолкли и Ацукёки вновь посмотрел на персик — в тени его пышной кроны лежали изрубленные тела, а человек в маске стоял над ними и тяжело, прерывисто дышал. Дерево начало съеживаться, как гниющий плод, и медленно умирать. Убийца исчез, а на месте изувеченных тел остались только облака полупрозрачного пара.

— Белые призраки, — выдохнул Гэндзо.

Ацукёки покрепче стиснул копьё.

«Зачем ты пришел южанин? — заговорили призраки, поднимаясь с земли. — Срубить наши деревья? Осушить наши озера? Отнять у нас красоту? Возвращайся в свой теплый дом, пока цел. Беги, беги, беги!»

Лошадь заржала и рванулась, Ацукёки не смог удержать ее, уздечка вырвалась из рук, и обезумевшее от страха животное бросилось прочь. Догонять ее было некогда — белые фигуры замелькали, окружили аристократа и его слугу.

— Я, Ацукёки но Хару, — звонким выкрикнул юноша. — Сразитесь со мной!

Но сотканые из холода и снега призраки не приближались и продолжали плясать вокруг него. Юноша пытался достать их копьём, но острие только бессильно вспарывало воздух. Рядом закричал Гэндзо. Прикрыв глаза рукой, Ацукёки решил прорваться через ледяное кольцо, но оступился, упал и покатился вниз по крутому склону. Выронив свое оружие, он тщетно пытался ухватиться за что-то и остановить падение, пока сильный удар о землю не заставил юношу потерять сознание.

...Когда Ацукёки очнулся, была уже глубокая ночь. Таинственным образом снег и холод обошли его, лежащего у самого края пропасти. С вершины горы были видны растущие у ее подножья непроходимые северные леса, да вдалеке серебрилось озеро, о котором говорил Менкакуш. Юноша огляделся и понял, что терраса, на которую он упал, на самом деле была хорошо утоптанной, извилистой горной тропой. Ему ничего не оставалось, кроме как пойти по ней, надеясь вернуться к тому месту, где он расстался со своим слугой.

Немного времени спустя тропа, по которой шел Ацукёки, вывела его к пещере, возле зева которой цвело пятое дерево. Это был каштан с кроной листьев настолько черных, что она казалась провалом, дырой в мир мертвых. Человек, перебивший женихов в доме дайнагона стоял, прислонившись к его стволу. Увидев Ацукёки, он снял маску. Под ней было лицо Гэндзо, еще не обветренное колючим дыханием Севера. Слуга снял доспехи покойного дайнагона, отложил окровавленный меч и устроился под каштаном, намереваясь вздремнуть. Когда юноша приблизился к нему, Гэндзо исчез, а на его месте лежал великан. Он вытянул длинные ноги в пышных меховых сапогах, подложил руки под голову и мерно храпел, вздымая большую, как бочонок, грудь в черном шерстяном тулупе. Ацукёки никогда не видел такого огромного эмиси. Юноша догадался, кто закапывал под деревьями похищенных из лагеря людей, а позже с невероятной силой пускал в их товарищей костяные стрелы.

— Я вовсе не сплю, мама, — глухим, низким голосом сонно проговорил великан. — Твой сын просто дал глазам отдохнуть, вот и все.

Ацукёки отступил на шаг назад, стараясь сдержать дрожь в руках. Рукоять меча внезапно сделалась тяжелой и незнакомой. Гигант перевернулся на другой бок и подложил под щеку широкую ладонь.

— Я за много ри учую любого мужчину, — прохрапел он. — От них несет рыбой и потом. От них не пахнет цветами, как от тебя, мама...

Ацукёки глубоко вздохнул, изо всех сил размахнулся и вонзил меч в незащищенное горло великана. Гигант прерывисто вскрикнул, схватился огромными руками за шею и начал кататься по земле, с гулом колотя ногами. Ацукёки отпрянул, готовясь нанести второй удар, но этого не понадобилось. Агония закончилась, эмиси замер, заливая кровью корни каштана.

Юноша осторожно ткнул тело великана мечом и убедился, что тот был мертв. После чего Ацукёки осмотрел вход в пещеру. Судя по всему, она была куда глубже той, где их отряд остановился прошлой ночью. Мерцающий в глубине свет напоминал биение огромного сердца горы. Одной рукой держа меч, а другой — касаясь шершавого камня, Ацукёки начал осторожно спускаться. Здесь явно жили люди, «земляные паучки», как называли их жители долин. Сделанные на стенах углем рисунки и следы кострищ на полу говорили о том, что когда-то под горой обитало многочисленное племя. Сейчас пещера опустела, и лишь мерное капанье воды нарушало тишину подземного чертога. В каменных нишах стояли большие глиняные жирники, трепещущие фитили которых и разгоняли темноту.

Узкий, извилистый лаз вывел Ацукёки в просторный зал, освещенный, кроме таких же жирников, лунным светом. Пробивающийся сквозь отверстие в каменном своде серебряный луч падал на груды ломанного белого камня, на которой, как на троне, восседала женщина ослепительной красоты. Густые рыжие волосы, уложенные в толстую косу падали до самых ног, она куталась в медвежью шкуру, которая едва прикрывала белые как снег плечи. Но самым удивительным в ней были глаза — две льдины, в которых скопилось столько злобы, надменной гордости и ненависти, что Ацукёки не мог без содрогания смотреть на нее.

Юноша приблизился, держа в руках обнаженный меч, играющий бликами огня и лунного света. Когда он подошел к трону хозяйки, то обнаружил, что его основание было сложено вовсе не из камня, а из человеческих костей. Среди груды черепов он увидел бородатую голову Менкакуша и понял, что его отряду так и не удалось добраться до замка Корэхари.

Хозяйка горы улыбнулась синими губами, пристально наблюдая за движениями пришельца. В ней не чувствовался страх или беспокойство. Напротив, казалось, что она давно ждала его. Тогда юноша, наконец, понял...

— Никакого уродства никогда не было, — сказал Ацукёки.

Улыбка прекрасной женщины обнажила жемчужины зубов.

— Твоя красота — вот твое проклятье, хозяйка горы, — продолжил юноша. — Проклятье, которое убивает все, что любит тебя. Еще до того, как первые южане-завоеватели ступили на землю Тохоку, ты безраздельно властвовала здесь. Столетиями твои сыновья убивали друг друга ради твоей милости, и приносили кровавые жертвы Матери-Земле, чтобы твоя красота, твоя жизнь никогда не увядала. Их кровь орошала цветы и плодоносные горные деревья до тех пор, пока ты, как паучиха, не извела все свое потомство, кроме самого сильного своего сына, который продолжал приносить тебе жертвы. Теперь он мертв, хозяйка горы.

— Но ты жив, — улыбнулась она синими губами. — И теперь ты мой. Подойди.

Когда молодой воин вогнал меч в ножны, его лезвие зазвенело протяжно, как плачущий ребенок. Двигаясь скованно, юноша приблизился к кутающейся в меха красавице и опустился перед ней на колени.

— Поцелуй меня, — попросила хозяйка горы.

Ацукёки покорно подался вперед — и их уста соединились. Поцелуй был долгим, жадным и страстным, как последний глоток умирающего от жажды. Хозяйка горы обхватила свою жертву руками, сбросила тяжелые шкуры и прижалась к юноше обнаженным холодным телом. Прошло еще несколько долгих мгновений, прежде чем она поняла свою ошибку.

— Ты... — прошептала ледяная женщина, оторвавшись от губ юноши.
— Ты не человек!

Ее злые глаза впервые за сотни лет были полны ужаса.

— Я человек, но не мужчина, — поправил молодой красавец. — Меня зовут Ацукёки но Хару, я дочь дайнагона Мататэ. Отец любил меня столь сильно, что предпочел навлечь проклятье на свой род, лишь бы не расставаться со мной. Чтобы скрыть преступление против богов, он отдал меня в воспитание своему слуге. Десять лет я носила мужское платье и жила среди воинов и слуг нашего дома...

Хозяйка горы пыталась высвободиться из рук Хару, но тщетно. Дочь дайнагона вытащила из прически длинную иглу, и гладкие темные волосы рассыпались по ее плечам.

— Они любили меня как брата и друга, — продолжила девушка. — Их любовь обернулась безумием, когда в день смерти отца я появилась в траурном женском платье. Они убили друг друга — кровь залила тростник на полу нашего дома. Тот, кто однажды увидит меня — не знает больше покоя. Тебя называют зимнее безумие, хозяйка горы, а я — безумие весеннее!

Хару схватила красавицу за горло, сильно сдавила его и повалила соперницу. Другой рукой она сжала острую железную шпильку для волос.

— Чего ты хочешь?! — шипя от боли, выкрикнула женщина.

— Я хочу, чтобы ни одно зеркало больше не смогло удержать моей красоты, — крикнула Хару, вонзая шпильку в грудь хозяйки горы. — Я хочу, чтобы ни один мужчина больше не смог взглянуть на меня.

Руки Хару стали липкими и скользкими от холодной крови, но она продолжала колоть податливое мягкое тело, пока ледяная красавица не затихла под ней. Подрагивая от пережитого возбуждения, Хару присела отдышаться. Только тогда она увидела растущий за тронем хозяйки горы цветок. Это была большая красная китайская роза. Девушка вспомнила, что такие цветы еще называли вечноцветами, за то, что они не теряли красоты в течение целой сотни дней. Рядом с цветком лежал Гэндзо, на его шее алел тонкий надрез, через который сочилась кровь.

Хару оторвала от своего рукава длинную полосу ткани и перевязала рану своего слуги. Гэндзо очнулся и проговорил:

— Не смейте пытаться изуродовать себя, — он коснулся рукой шрамов на щеке девушки. — В случившемся нет вашей вины.

— Что же мне теперь делать? — спросила Хару.

— Нам нужно бежать, Ацукёки-сама! — выдохнул Гэндзо. Теперь Хару понимала, что он давно готовил эту речь. — Бежим на север, в Тохоку. Никто не найдет вас на краю света, никто не станет там жертвой вашей красоты. Возьмите доспех своего отца...

Она не стала слушать дальше. Схватив тонкий стебель цветка, девушка переломила его, скомкала мягкие лепестки и отшвырнула их прочь...

...Спуск с горы дался спутникам неожиданно легко. Несмотря на то, что Гэндзо потерял так много крови, что ослеп — он мог идти, опираясь на плечо своей хозяйки. Слуга не проронил ни слова до того момента, как они ступили на лед озера. Только тогда Гэндзо осторожно спросил:

— Ацукёки-сама... вы убили хозяйку горы?

— Она мертва, — кивнула Хару. — Скажи мне, Гэндзо, я по-прежнему прекрасна?

— Да, моя госпожа, — сказал слуга, устремив на нее невидящий взгляд своих широко раскрытых глаз. — Но почему?.. Почему я по-прежнему не могу видеть?

— Я знаю, как вылечить тебя, — грустно улыбнулась Хару. — Нужно только перейти озеро. Иди вперед, я буду словами направлять тебя...

— Но...

— Иди! Нам нельзя подолгу вместе стоять на льду.

Слуга покорился ее приказу и начал медленно, осторожно пробираться к берегу. Хару словами направляла его, но сама не двинулась с места. Когда Гэндзо, наконец, ступил на твердую землю, по ее щекам текли слезы.

Хару сильно, как от боли зажмурилась, опустила голову и резко открыла глаза. Она увидела на льду свое отражение. Намного более четкое и прекрасное, чем в лучшем танском зеркале. Совсем недолго она смогла смотреть на него, прежде чем лед подернулся паутиной тонких трещин. С грохотом, с треском он провалился, увлекая девушку в холодные, темные воды...

...Заинтересовавшись рассказом, я приказал Гэндзо отвести меня к озеру, через которое он возвращался с гор. Мы долго блуждали в чащобе, пока, наконец, не нашли его. Озеро было действительно большим, гладким, как стекло, — и лед не сковывал его спокойных вод. Гэндзо настаивал, что оно не замерзает от того, что его хозяйка лежит на дне, а ее глаза устремлены к солнцу. На следующую ночь несчастный Гэндзо сбежал и по его следам мы вернулись к озеру. Должно быть, слуга и госпожа, наконец, нашли покой в объятьях друг друга, в холодной пучине темных вод.

Но есть и иное объяснение этой странной истории. Озеро могло не замерзнуть из-за горячих источников на дне. Мне говорили, что в горах Оу таких источников много — и они испускают странное зловоние, наводящее на людей видения. Зимой, когда воздух особенно тяжел, этими испарениями заполняются целые долины. Людям, вдохнувшим отраву, мерещатся запахи и звуки, их посещают тревожные образы. Мы назвали такое помешательство зимним безумием. Мне рассказывали, что эмиси тоже подвержены такому недугу. Пораженные им, одни бросаются в пропасти и разбиваются насмерть, другие, кому повезло меньше, упав, остаются в живых — и ветер еще долго разносит их полные боли крики и стоны вместе с шумом метели.

Так или иначе, такова история хозяйки горы, которую я, сэйи-тайсёгун Фудзивара но Асакари, услышал в годы правления императрицы Кокэн, близь перевала Синраден, что на краю света, в землях Тохоку.

Примечания:

Императрица Кокэн — правительница Японии в 749-758 годах нашей эры. Также известна под именем Сётоку.

Тохоку — регион на севере острова Хонсю, крупнейшего в японском архипелаге.

Эмиси — варвары, коренное население японского архипелага, которых вытеснили на север предки современных японцев.

Дайнагон — должность в Высшем Государственном Совете, Императорском правительстве Японии.